

Цзян Тинчжоу проводил время вполне безмятежно. Он стоял у входа, неторопливо доедая лепешку и перекидываясь ленивыми фразами с тётушкой Дэн, пока в лавке Чжоу Лифэн постепенно собирались первые клиенты.

Вдруг к нему робко подошли две школьницы.

— Извините, а вы ведь тот самый старший брат? — спросила одна из них.

Цзян Тинчжоу растерянно огляделся по сторонам. Он решил, что девочки обращаются к кому-то другому, но они преданно смотрели прямо на него.

— Ну, в смысле, парень из роликов, да? — вторая девочка торопливо протянула телефон, на экране которого крутилось видео Ань Сяопина. — Точно вы! В жизни вы даже симпатичнее, чем на экране. Мне так нравятся выпуски с вашим участием! Хотя у Сяопина и остальные ролики отличные.

Блог Ань Сяопина в сети знали под ником Сяо Ань.

Обычно холодный и неприступный Цзян Тинчжоу, всегда старавшийся держать дистанцию с незнакомцами, лишь молча кивнул. Но этого школьницам оказалось достаточно: они радостно защебетали, наперебой выражая свой восторг.

— Братик, а можно с вами сфотографироваться? Вы нам так нравитесь! И готовите вы так вкусно, прямо слюнки текут. А как вы тех негодяев проучили — вообще супер!

— Я так волнуюсь! Надо срочно подругам написать, что вы здесь!

— А-а-а, поверить не могу, что мы вас встретили!

Цзян Тинчжоу совершенно не знал, как реагировать на подобный напор.

Ранее ему не приходилось сталкиваться со столь бурным вниманием. Понятие «популярность» всегда обходило его стороной. Он редко заглядывал в телефон и уж тем более не интересовался тем, что пишут о нем в комментариях.

Ань Сяопин, конечно, уверял, что у них появилась целая толпа поклонников, но долго ли продлится эта мимолетная любовь? Цзян Тинчжоу слишком хорошо знал, как устроен виртуальный мир. В анонимном пространстве люди склонны преувеличивать. Сегодня они кричат о любви, завтра осыпают проклятиями или мгновенно переключаются на очередного кумира. Все слишком быстротечно. Жизненный опыт подсказывал ему не верить восторженным словам, набранным на клавиатуре мимоходом.

Но живая реальность сейчас явно выходила за рамки его ожиданий.

Тётушка Дэн с улыбкой наблюдала за этой сценой. Ей нравился искренний задор молодежи, и она охотно вызвалась сфотографировать девочек с Цзян Тинчжоу.

Сам Тинчжоу отказываться не стал — он отчетливо чувствовал, что их радость была чистой и настоящей. Однако во время съемки он все равно заметно зажался, а стоило камере щелкнуть, как он поспешил юркнуть за боковую дверь пекарни семьи Дэн, чтобы перевести дух.

— Да чего ты так разнервничался? — по-доброму рассмеялась тётушка Дэн. — Что плохого в том, что ты людям нравишься? Редко встретишь такого скромного парня. Мы с Лао Дэном тебя тоже очень любим.

Цзян Тинчжоу поначалу производил впечатление человека нелюдимого и сурового, но за время соседства тётушка Дэн успела оценить его основательный, трудолюбивый нрав. Стоило ему разбить огород во дворе, как он бережно распланировал каждую грядку, после чего аккуратно выложил дорожки из плит серого сланца.

После его трудов участок стал образцом безупречного порядка — точь-в-точь как и внутри его дома. Любой перфекционист, взглянув на это, ощутил бы глубокое удовлетворение.

Такие люди, как он, за что бы ни брались, все доводили до идеала.

Тётушка Дэн прекрасно знала и историю Чжоу Лифэн. Она понимала, чья именно невидимая рука помогла несчастной женщине подняться на ноги. Но один вопрос все же не давал ей покоя.

— Тинчжоу, у тебя ведь золотые руки, — не выдержала тётушка Дэн. — Готовишь ты невероятно. Почему сам ресторан не откроешь?

— Я? Ну уж нет, — покачал головой Цзян Тинчжоу. — С меня хватит этой бесконечной гонки. Да и деньги у меня есть, нужды не испытываю.

Он на мгновение задумался и тихо добавил:

— Вы не представляете, в каком аду я жил, когда работал шеф-поваром. Мое душевное состояние было на грани. Больше я на это не подпишусь. Буду просто копать в земле на своем участке.

Тётушка Дэн не совсем понимала, что означает эта «бесконечная гонка» — безумное соперничество, которое Тинчжоу назвал чужим словом, — и он вкратце ей объяснил.

В своей прошлой жизни он только и делал, что воевал: вырывал у Цзян Ю и ему подобных то, что принадлежало ему по праву, карабкался по головам коллег в элитных ресторанах, выгрызая признание и статус. Если бы не внезапная смерть от переутомления, он бы так и остался непревзойденным королем этой крысиной гонки.

Но теперь эти воспоминания вызывали лишь глухую, высасывающую душу усталость. Повторять этот путь не хотелось.

Тётушка Дэн внимательно выслушала его.

Она редко спорила с людьми и обычно встречала каждого приветливой улыбкой, будучи опытной и мягкой хозяйкой. Но сейчас она сочла нужным возразить.

— Ну, раз так, то и верно — нечего себя изводить. Жизнь в вечной спешке кого угодно ломает. Но ведь это не значит, что нужно совсем бросить любимое дело?

— Мы с Лао Дэном тоже давно скопили на безбедную старость, да и дети уже выросли. Но лавку не закрываем. И вовсе не ради лишней копейки — просто без дела сидеть тошно. Нам в радость работать, так мы чувствуем себя живыми, — рассуждала тётушка Дэн. — Ты хоть и молодой совсем, а в этом отношении очень на нас, стариков, похож.

Цзян Тинчжоу твердил об отдыхе, но на деле отдыхать-то и не умел. Характер у него был тихий, затворнический, и все свое свободное время он тратил на обустройство своего небольшого участка земли.

— Все наши постоянные покупатели — старые знакомые, — продолжала тётушка Дэн. — Вместе когда-то на сахарном заводе трудились, теперь вот по соседству живем. Бывает, сядем у нас во дворе, заварим чаю, достанем горячие лепешки и давай молодость вспоминать. И когда они говорят, что вкус у наших лепешек ровно такой же, как сорок лет назад, у меня аж сердце радуется.

Цены в семейной пекарне Дэн не поднимали годами. Простая лепешка размером с ладонь, со сладкой кунжутной начинкой, долго стоила всего один юань. Лишь когда сырье подорожало, цену пришлось поднять на пол-юаня.

Само тесто было пресным, со слабым ароматом дровяной печи и легкой ноткой топленого масла, благодаря чему оно идеально сочеталось с любым наполнением. Сахарный завод Юнцина давно пришел в упадок, но рецепты слоеных лепешек, рожденных в его золотую эпоху, продолжали жить.

Цзян Тинчжоу слушал ее рассказ о том, как со временем менялась технология приготовления. Раньше готовую лепешку просто надрезали и клали внутрь начинку, и лишь много лет спустя догадались запекать ее уже начиненной.

Пекари из семьи Дэн бережно относились к каждой детали. Для сладких и соленых изделий они замешивали разное тесто: сладкое делали чуть более плотным и тягучим, а соленое — рассыпчатым и хрустящим. У каждого вида была своя толщина раскатки и время выпекания, но неизменным оставалось одно — вкуснее всего они были прямо из печи, пока еще обжимали пальцы.

Тётушка Дэн протянула ему еще одну лепешку — на этот раз с кокосовой начинкой. Цзян Тинчжоу откусил кусочек: хрустящее тесто поддалось, выпуская нежный аромат сладкой кокосовой стружки. Вкус оказался деликатным, умеренно сладким — разительный контраст с пикантной солоноватой лепешкой с ветчиной, которую он съел только что.

В этих незатейливых лепешках заключалась вся жизнь семьи Дэн, их тихая гордость и душевный покой.

Голос тётушки Дэн лился мягко, убаюкивающе:

— У нас в Юнцине поиск заработка называют просто — «добывать чашку риса». Слава богу, времена сейчас сытые, на еду всем хватает. Но ведь человек живет не ради того, чтобы просто набить желудок. Должно же быть в жизни какое-то дело по душе, как думаешь?

— Помню, как-то ты обмолвился, будто твоя единственная цель теперь — прожить подольше. Я в своей жизни видывала немало долгожителей. И знаешь что? Дольше всех живут те, кто нашел свое истинное призвание, то, что приносит чистую радость, и занимается этим до глубокой старости.

— Не знаю, какая беда стряслась с тобой в прошлом, но, возможно, ты просто еще не нашел то, ради чего действительно стоит трудиться. Ты хороший мальчик, Тинчжоу. Смотри только вперед.

Сама тётушка Дэн и ее муж Лао Дэн всегда светились благожелательностью и покоем. Несмотря на то, что обоим перевалило за пятьдесят, выглядели они от силы на сорок.

Цзян Тинчжоу долго молчал, переваривая услышанное.

— Тётушка Дэн, у меня нет дела, которому я готов посвятить всю жизнь, как вы. То, за что я боролся раньше, оказалось пустышкой. У меня просто не осталось душевных сил начинать что-то заново.

— Да ты ведь уже начал, — с улыбкой возразила женщина.

Цзян Тинчжоу растерялся.

В этот момент к лавке Чжоу Лифэн устремилась новая группа подростков — школьники, судя

по всему, только что освободившиеся с дополнительных занятий.

Улица Утреннего рынка находилась неподалеку от Второй средней школы Юнцина, но обычно ребята выбирали другие дороги и сюда почти не заглядывали. Однако сегодня у входа резко затормозило несколько велосипедов.

— Нам жареный рис с яйцом! — громко заказал один из них. — И обязательно ложку фирменного острого соуса!

— И нам тоже! Четыре порции с собой, пожалуйста.

Некоторые работали «курьерами» для своих друзей, унося по пять-шесть коробок разом. У входа быстро выросла очередь. Чжоу Лифэн, сияя от счастья, принялась за работу — сковорода-вок в ее руках заходила ходуном.

Цзян Тинчжоу молча наблюдал за ней.

Женщина валилась с ног от усталости за эти дни, но сейчас ее лицо буквально светилось жизнью, не оставив и следа от прежней обреченности. В ожидании заказов школьники весело перешептывались, и до Тинчжоу долетали обрывки их разговоров:

— Говорю тебе, аромат просто с ума сойти можно!

— Этот соус к рису подходит идеально. Какой же гений его придумал?

— Я сегодня у соседа по парте ложку попробовал — у меня аж мозги заработали, все задачи вмиг порешал!

Тётушка Дэн ласково посмотрела на Цзян Тинчжоу.

— Заходи завтра к нам во двор, попьем чаю с лепешками. Соседи соберутся, поболтаем. Хватит тебе уже целыми днями на грядках спину гнуть, ты и так посадил предостаточно. Пусть теперь само растет.

Немного подумав, Цзян Тинчжоу согласно кивнул.

— Вот и славно, — улыбнулась тётушка Дэн. — Завтра зайду за тобой, как время придет.

Ему больше не нужно было опекать Чжоу Лифэн. Она прекрасно справлялась сама — у нее появилось своё дело, за которое стоило бороться, и его помощь больше не требовалась.

Цзян Тинчжоу медленно зашагал прочь.

«Наверное, тётушка Дэн просто хотела приободрить меня»

Он шел домой, но слова пожилой женщины никак не выходили у него из головы. Перед глазами то и дело возникали восторженные лица школьников, которые искренне благодарили его за ролики.

А следом в памяти внезапно всплыло наставление великого мастера Вана, которое тот дал ему в самом начале его кулинарного пути.

«В нашем ремесле повар сам себе не судья. Лишь когда гости один за другим хвалят твоё блюдо, ты понимаешь, чего стоишь. Будь верен своему мастерству, стремись к совершенству — и признание само тебя найдет»

Звучало красиво, но на деле оказалось ложью. Цзян Тинчжоу проверил это на собственной шкуре. Теперь он был слишком умен, чтобы слепо верить красивым речам и возводить их в абсолют.

И все же сегодня эти мысли заставили его взглянуть на вещи немного иначе.

Днем ярко светило солнце, щедро даря тепло, но ближе к ночи небо затянуло тучами и хлынул дождь.

Он был несильным, но монотонный, усыпляющий стук капель по крыше заставил одних крепче закутаться в одеяло, а других — лишил сна.

Лу Байюй никак не мог уснуть. Тяжелые думы не давали покоя. Он ворочался с боку на бок и забылся зыбким, тревожным полусном лишь к трем часам ночи, провалившись в бездну безумных, сбивчивых сновидений.

Обычно он редко видел сны, но мысли о Цзян Тинчжоу преследовали его слишком долго. Во сне перед ним снова и снова представал образ возлюбленного: временами до боли знакомый, а порой — совершенно чужой.

Сперва они были счастливы. Тинчжоу всегда был рядом, и в его взгляде читалась безграничная, ничем не скрываемая нежность. Байюй никогда прежде не встречал столь близкого по духу человека, и их союз казался самым естественным событием в мире.

И если из-за плотного графика Лу Байюй порой отдалялся, Тинчжоу никогда не упрекал его за невниманье. И Байюй привык принимать это как должное.

А потом все пошло прахом.

Вот он видит, как Цзян Тинчжоу стоит у порога их квартиры в «Сияющей звезде», окруженный коробками. Лу Байюй пытается преградить ему путь, но тот лишь оборачивается, пряча покрасневшие глаза.

— Возвращайся к своим делам. Не думаю, что нам вообще стоит продолжать эти отношения.

Картинки менялись с бешеной скоростью, распадаясь на яркие, рваные осколки памяти. Счастливые моменты сменялись яростными ссорами.

— Как хорошо, что ты рядом, — Тинчжоу с улыбкой бросался ему на шею.

И тут же сцена искажалась, гремел крик:

— Лу Байюй, я не твоя ручная собачонка и не твоя вещь!

Следом шел тихий шепот:

— Если ты действительно изменишься, давай попробуем еще раз... Кажется, мы и впрямь не можем друг без друга.

И снова жестокое обвинение:

— Ты никогда не любил меня! Тебе важны лишь контроль и твоя безумная собственническая страсть!

Эти обрывки беспощадно терзали его измученный разум.

Все их прошлое сплелось воедино, пока хаос сновидения не замер на одной, пугающе отчетливой картине. Это была больничная палата.

Цзян Тинчжоу сидел на кровати. Его правая рука была забинтована, из-под больничной пижамы белели повязки — он выглядел израненным и истощенным. Тинчжоу устремил на него пустой, ледяной взгляд и тихо произнес.

«Вот оно что. Теперь я все понял»

— Нет, Тинчжоу, все совсем не так! — Лу Байюй услышал собственный голос — глухой, надрывный, сорвавшийся на панический шепот. Слова путались и комкались. — Это я люблю тебя, я... правда люблю! Я изменился, поверь мне! Мне нужен только ты, все совсем не так, как

ты думаешь... Это я...

Лу Байюй резко распахнул глаза и сел на постели, тяжело дыша. На лбу выступила холодная испарина.

Кошмар растаял, оставив после себя лишь горькое послевкусие, но одна фраза, сорвавшаяся с губ перед самым пробуждением, продолжала набатом стучать в голове.

«Это я не могу без тебя жить»

Он тихо повторил эти слова вслух, заполняя ими звенящую пустоту темной спальни. И они в точности отражали все то, что разрывало его душу на части.

<http://bllate.org/book/19956/1995124>